

я в в.

океан

Берег замка

Дворец

Сурицы

Корова
Земля

Ольга Новикова
**Маленький
БОГАТЫРЬ**

Ясу

Мельница
Стрибога

Дворец
Сварога

Страшный
лес

Река
Силорозина

Козин

Море-океан

Б
гзе

6+

Ольга Викторовна Новикова

Маленький богатырь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42353822

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-10348-1

Аннотация

Раз – и девятилетка Ромка попадает к богам-великанам! Пройти все испытания в сказочном Беловодье – это вам не к ЕГЭ подготовиться, но Ромка справится – он же настоящий богатырь, пусть и ненастоящий отличник. (Основано на славянской мифологии).

Содержание

Все мало-мальски важные приключения, как правило, начинаются утром	6
О том, как то, что должно быть только сном, вдруг стало Явью	34
Из мира настоящего	48
Оказывается, есть силы, которые почему-то иногда решают за тебя	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Ольга Новикова

Маленький богатырь

Когда-то один умный человек, с которым у меня была однажды короткая встреча (кстати, умный он не потому, что у него была какая-то ученая степень, нет, он таким был, возможно, даже таким родился) сказал о сказках так: "Считаю ли я, нет, я просто уверен, что сказки помогают нам понимать мир лучше, чем разные научные книги, написанные когда-то великими умами. Конечно, нельзя говорить о том, что эти умы впустую трудились над изучением тайного, непонятного и неизвестного, а также забытого и непознанного. Вот только самое необыкновенное, чудесное и странное и взрослые, и дети находят в обычных сказках. Поэтому можно сказать, что и Льюис Кэрролл и Клайв Льюис, Джон Толкин и даже Ханс Кристиан Андерсен кое-что понимали в этой жизни. Те, кому однажды посчастливилось понять суть сказки, даже если им в свое время не пришлось прочесть глубокомысленный научный труд о том, как сказки, мифы, легенды похожи друг на друга, а также указывают на всевозможные психофизические расстройства (пусть эти слова прозвучат здесь только один раз), открыли тайну этого волшебства, где, возможно, не только зашифрованы, но и показаны на практике почти все философии мира. Я говорю так, поскольку

абсолютно уверен в том, что великие философы – от древнегреческих и древневосточных до современных – тоже, как ни странно, когда-то были детьми. И первое их знакомство с миром (возможно, за редким исключением) случилось посредством сказки, где все необъяснимое – понятно, а удивительное – обычно. Уверен, что маленькие и немного подросшие гении, собравшись вместе, не стали бы спорить с тем, где скрывается истина: в курице или яйце, если бы эти искомые объекты находились в волшебном коробе или сундуке".

Все мало-мальски важные приключения, как правило, начинаются утром

Будильник сработал в 7.30. Вставать Ромке жутко не хотелось, промозглое октябрьское утро не обещало ничего хорошего. Но надо было собираться в школу, хотя до каникул оставалось всего два дня, а потом его ждало невероятное путешествие на поиски Русской Атлантиды. Ромке уже давно до жути хотелось совершить открытие, а потом когда-нибудь, когда он станет совсем взрослым, конечно же, написать роман, ведь слово "роман" так интересно перекликалось с его именем – Рома.

Все, разумеется, его называли по-разному: для мамы и папы он был просто Ромашка, ну для папы частенько еще Роман Евгеньевич, для друзей Ромка или Ромыч... а сам он считал, что в его имени нет ничего выдающегося. Возможно, этот момент он и старался исправить, влипая в разные нелепицы и несуразицы, которые сам называл приключениями. Слава, почет, уважение – о чем еще мечтает мальчишка девяти пусть и с половиной лет, начитавшийся писателей-фантастов (мальчишки не очень любят читать сказки, считают это девчачьим занятием), которых потихоньку и, разумеется, тайно выуживал из большой отцовской библиотеки, за-

претной для маленьких мальчиков, считавшими себя большими в душе? Возможно, из-за этого фантазии ему было не занимать. Например, как-то летом он нашел старую ржавую ракету, которая несколько лет простояла на детской площадке, а потом стала ненужной и была выброшена за ворота. Ромка подобрал ракету, оборудовал ее подходящим пультом управления из перегоревших и покрашенных гуашевой краской лампочек от елочной гирлянды, приделал сиденье из старого кресла, найденного на свалке, и целыми днями пропадал в ней, представляя себя бороздящим космическое пространство. Но однажды в его фантазийный мир проник невежественный лазутчик и безжалостно все разрушил. Это был соседский мальчишка, просто высмеявший Ромку перед его одноклассниками. Однако космос в Ромкиных мечтах все же тогда был хоть чуточку, но покорен. В следующий раз, начитавшись "Алисы в Стране чудес" Льюиса Кэрролла (он весьма недоверчиво относился к модным литературным детским новинкам, считая одних не совсем логичными, а других нелогичными вовсе. В сказках он видел свою, особую, логику), Ромка устроил у себя на даче площадку для игры в крокет и карусели из старых колес от трейлера. А сколько раз ему доводилось искать сокровища – невозможно и сосчитать. Все, абсолютно все его походы заканчивались тем, что Ромка приносил домой удивительные находки. Фантазии только разжигали жажду приключений в романтической мальчишеской душе.

"Экспедиция в затерянный Китеж-град.

Студентов второго и третьего курса исторического факультета, желающих принять участие в поисках затерянных следов Русской Атлантиды, просим записаться в экспедиционную группу. Форма одежды – походная. Руководитель экспедиционной группы – профессор кафедры археологии, историко-археологического факультета, кандидат исторических наук – Евгений Борисович Святозаров".

Это объявление Ромка сам прикрепил на доску объявлений первого этажа в гуманитарном институте по просьбе своего отца – того самого профессора Евгения Святозарова несколько недель назад. А до этого всю неделю уговаривал папу взять его с собой в далекую, но наверняка безумно интересную экспедицию. И наконец-то уговорил.

– Ну пойми, я не могу тебя взять. – Усмехнулся своей милой улыбкой Евгений Борисович, раскладывая дома в большой комнате на серо-зеленом ворсистом ковре экспедиционную карту, вероятно для того, чтобы проложить на ней маршрут. – Ты же еще ребенок, а я еду со студентами, им всем по двадцать лет. Вон, подай ту коробочку, пожалуйста, – попросил историк.

Ромка вздохнул, дотянулся до прозрачной коробки с разноцветными флажками. Евгений Борисович посмотрел на своего подросткового сына, очень напоминавшего ему его самого в детстве – такого же худощавого и высокого для сво-

их девяти лет мальчишки, с непослушными вихрами, широкими, вычерченными по линейке, бровями, и почти синими распахнутыми глазами. Забрав у сына коробку, Евгений Борисович открыл ее и стал скотчем старательно прикреплять флажки к карте.

– Пап, ну я же самостоятельный, – уговаривал отца Ромка, помогая ему прикреплять флажки. – Помнишь, в прошлом году вы улетели с мамой в Сочи, а я здесь один целую неделю жил, и ничего. Сам готовил себе, сам стирал, даже полы мыл, со мной не надо нянчиться.

– За тобой тогда соседка тетя Валя приглядывала, и твой Антошка все время у нас ночевал, – мычал историк, почесывая вихрастый затылок. – Сам он готовил? – разбил всю тактику сына Евгений Борисович. – Тебя же кормили домашним, тетя Валя старалась. Не приставай, Ромашка, поедешь к бабушке – мы так решили с мамой. Лучше иди доделай уроки.

– Ну па-а-апа, – не отставал Ромка. – Как же я стану самостоятельным, если я буду все время с бабушкой сидеть. Я хочу как ты – ездить в экспедиции, бывать в разных местах, узнавать новое... Долго ты будешь твердить и прикрываться тем, что "я еще ребенок", я твой наследник, между прочим, пора мне навыки передавать.

– Не помню, чтобы у тебя была тяга к истории, наследник. Фантастика, приключения – это да. Или ты надеешься сокровища там найти! – историк в первый раз оторвался от

карты и внимательно посмотрел на неугомонного отпрыска поверх профессорских очков. – Еще раз повторяю тебе, – старательно выговаривал историк, – ты – мал – для – любых – экспедиций. Вот через пару лет может быть...

И вообще, – Евгений Борисович решил подключить тяжелую артиллерию – деда, надеясь, что для упрямого Ромки это станет аргументом. – Твой дед в первый раз взял меня в море, только когда мне шестнадцать исполнилось, – мычал профессор, старательно прикрепляя к зеленому полукругу на карте, видимо, обозначавшего холм, синий флажок, – а тебе только девять, и мама не разрешит. Ромка знал, что папа проиграет это "сражение", когда упомянет деда, поскольку дедушка тоже был для авторитетом для папы, поэтому сказал:

– Я – новое поколение, мы быстро растем и быстро развиваемся, кстати, и деда так тоже говорит. А еще он говорит, что я – ваше будущее, – парировал Ромка, но испугавшись, что переборщил, добавил:

– А мама разрешит, увидишь разрешит, обязательно разрешит.

– Вот завтра вернется мама из рейса, тогда и поговорим, а пока, наше будущее, доделай уроки и иди гулять. Антон уже звонил, спрашивал, и как он так быстро делает уроки? – задумчиво бубнил себе под нос Евгений Борисович, прикрепляя последний зеленый флажок к нарисованному домику с башенками и одновременно стараясь закончить незаплани-

рованный разговор с сыном.

Вечером следующего дня вернулась Ромкина мама: она работала стюардессой в одной весьма известной авиакомпании. Ромка тут же напал на нее с расспросами прямо в коридоре, выхватил сумки, попытался окружить ее заботой. Отец в это время был на открытии выставки в городском историческом музее, куда его пригласили в качестве главного куратора.

– Маму-уль, а ты видела Рим? – он знал, что со взрослыми всегда надо начинать издалека – так его когда-то научил дедушка.

– Нет, Ромашка, в этот раз мы летали в Милан – прямой рейс из Москвы без пересадок. Представляешь, у нас там закончились бутерброды, остались только для пассажиров, а кафе в аэропорту было закрыто по техническим причинам, поэтому я ужасно голодная, – вздыхала мама, пытаясь освободиться от объятий сына, чтобы развязать оранжевый шейный платок.

Встряхнув соломенными волосами, вьющимися до плеч до плеч, стройная и высокая молодая женщина подмигнула зеркалу. Ромка залюбовался ею: "Ну точно принцесса из сказки, – подумал он. – У меня самая красивая мама на свете. Хорошо, что есть папа, а то я еще не дорос, чтобы защищать ее".

Самая красивая мама сняла теплое пальто, поскольку на улице уже давно стоял октябрь, напоминая о себе промозг-

лыми дождями и мокрым листопадом, поправила шелковую голубую блузку, переобулась в мягкие тапочки (Ромка предусмотрительно достал их с нижней полки шкафа) и, пригладив вихрастую макушку сына, спокойно прошла на кухню.

Конечно, у нее было имя. Ее звали Рита, а полностью – Маргарита Сергеевна, но здесь мы будем называть ее просто – мама Рита.

– Мам, а папа летит в Нижний Новгород искать Китеж-град, – начал Ромка, наблюдая, как мама, уже помещивает ложечкой чай и отламывает кусок от мягкой булки. Ее ярко-зеленые, почти изумрудные глаза, в которых, как говорил папа, жило вечное лето, как всегда светились добротой и спокойствием. Ромка решил, что не будет капризничать, а расскажет все и сразу – и будь что будет.

– Я знаю, Ромашка. Твой папа мне все уши об этом прожужжал. Ох, бедные его студенты, они же не такие энтузиасты, как наш Евгений Борисович, – проговорила мама Рита, допивая чай и нежно глядя на сына.

– Мам, а можно... ну, может быть, можно мне?...

– Ну что, Ромашка? Что случилось?

– Мам, можно мне?

– Так, Ромик, – с напускной строгостью произнесла мама, поставив чашку на стол и подперев руками подбородок. – Во-первых, вынь руки из карманов, во-вторых, соберись и решишь прямо мне сказать, что тебе можно.

Ромка послушно вынул руки из карманов, выдохнул и выпалил.

– Мама, я хочу поехать с папой. Мне уже почти десять лет, я самостоятельный человек и такой же эн-ту-зи-аст, как и он, – Ромка старательно выговорил знакомое, но сложное слово по слогам, – я люблю приключения и хочу выбрать свою дорогу в жизни, стать мужчиной, наконец.

Мальчишеские глазки горели, и он весь дрожал от непонятного чувства, почему-то заставлявшего его бороться до конца за свою мечту даже с собственными родителями. Мама Рита прыснула, уронив голову вниз, а соломенные кудри разлетелись в стороны. Она еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться, глядя на раскрасневшегося от волнения маленького сына.

– Что ж, ладно, – она, вытерла салфеткой пролитый на стол чай. – Раз уж ты у меня такой взрослый, я... разрешаю тебе, так и быть. Но есть одно условие. – Ромка чуть не закричал от радости, но решил повременить с этим, чтобы не спугнуть удачу (мало ли что), и от старания округлил глаза, готовый выслушать мамины условия. Мама же изо всех сил старалась не расплыться в улыбке (воспитательный процесс как-никак).

– Итак, – проговорила она, с трудом сдерживая себя от того, чтобы не затискать своего самостоятельного сына в объятиях и не начать с ним сюсюкать как раньше. – Итак, условие первое и непреложное. Знаешь, что такое непреложное? –

Ромка задумался и покачал головой. – Это значит, Роман Евгеньевич, что такое условие ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах нарушать нельзя. Ясно? – Ромка радостно закивал, а к горлу вдруг подступил комок от ощущения чего-то интересного и загадочного.

– Какое, какое условие, мам? – порывисто спросил он.

– Слушаться папу, – строго отчеканила мама Рита, – папе же будут даны отдельные инструкции. Ясно?

Ромка кивнул, комок тут же отступил, потому что Ромка вдруг ощутил разочарование: он-то надеялся, что это будет какое-нибудь необычное условие, что-то вроде – не попадаться в плен к врагам или не угонять чужой корабль. Мальчишка никак не ожидал, что непреложным маминым условием будет просто "слушаться папу". Но она будто прочитала его мысли.

– Что, разочарован, Ромашка? – спросила мама. – Знаешь, сразиться с флибустьерами и найти сокровища – это ерунда, это могут все. Ты попробуй слушаться папу, не нарушать правил, выполнять обещания и отвечать за свои поступки, тогда ты будешь героем, нет, не героем, – поправила мама Рита, – ты будешь богатырем.

Ромка знал, мама так всегда его называла, когда чувствовала за него гордость, значит, сейчас, он сделал все правильно.

– Мамочка! – радостно выкрикнул Ромка, бросившись на шею, – я буду героем, я обещаю.

– Тогда я за тебя совершенно спокойна, – ласково прошептала мама Рита, вглядываясь, в еще сияющие, как синие фонари, глаза сына, – а теперь давай-ка приготовим ужин и дождемся папу, мой маленький богатырь.

На семейном совете, за ужином было решено, что Ромка едет в экспедицию.

С того дня мальчишка начал собираться в свою первую приключенческую поездку. Он тщательно продумывал все, что хотел бы взять с собой, представлял себя в мечтах в роли своего любимого героя Индианы Джонса, фильмы о котором мог пересматривать до бесконечности. В пятницу Ромка в очередной раз проявил самостоятельность и выпросил у соседей старый походный рюкзак, оставшийся у них от старшего сына. Теперь он был доверху набит самыми нужными для приключения вещами, для этого Ромке пришлось перевернуть вверх дном свою комнату и достать старый, заржавевший перочинный нож – подарок деда – капитана, напоминавший Ромке о далеких странствиях, и термос, купленный специально для такого вот подходящего случая, облюбованный и надежно припрятанный самим Ромкой.

И вот рюкзак уже доверху полон самыми нужными вещами, гордо и пузато красуется возле добротного деревянного письменного стола, заставленного самодельными корабликами. Они же занимали все книжные полки, самые маленькие ютились прямо между книгами, а самые большие корабли вместе с раскрашенными вручную бумажными дельтаплана-

ми свисали с потолка. С чувством удовлетворения Ромка лег в кровать, мечтая о завтрашнем дне, когда они с папой отправятся в увлекательное путешествие.

Надо сказать, что мальчишка был настолько одержим приключениями, что вся его комната не просто напоминала, а гордо говорила об этом. Чего только стоили его кровать, сделанная из старой лодки, подвешенной под потолком на морских реях, и комнатная люстра из настоящего штурвала – все это смастерил для внука тот самый дед-капитан, прослуживший в морском флоте всю свою жизнь. Именно от него Ромка узнал о далеких странах и материках, об океанах и морях, где деду пришлось побывать. Рассказывая внуку перед сном морские истории о штормах, островах, туземцах, дед порой так увлекался, что совершенно забывал о времени. Маме то и дело приходилось входить в комнату и напоминать морскому волку, что уже поздно и Ромке пора спать.

Не вписывались в морской стиль только баскетбольная стойка и два новеньких баскетбольных мяча – еще одна Ромкина страсть (по воскресеньям Ромка играл в стритбол на стадионе – в позиции защитника). Но Ромку это не беспокоило, а даже нравилось, чтобы все, что он любил, находилось рядом.

Настала долгожданная суббота, когда Ромка с папой должны были отправиться на поиски затерянного Китеж-града.

Папа почему-то называл его Русской Атлантидой. Ромка

проснулся раньше всех, умылся, сам приготовил бутерброды и разбудил отца. Мама Рита была в очередном рейсе, но оставила им записку.

"Милый, надеюсь, ты запомнил все, что нужно, чтобы я была спокойна – не подведи меня. На всякий случай еще раз напоминаю тебе: не выпускай сына из поля зрения, не давай Ромке сильно шалить и не забываете мыть руки, фрукты, ягоды и овощи. Я в рейсе до следующего вторника, надеюсь, к этому времени вы вернетесь счастливыми и, главное, – здоровыми. Сын, помни про свои обещания. Ну все, целую, Рита".

В дверь позвонили, и Ромка побежал открывать.

– Фух, тяжелый какой, чуть пупок не развязался прямо – выдохнул блондинистый полноватый и курносый мальчишка, с пытением сбрасывая на порог Ромкиной квартиры рюкзак.

– Это ты что тут делаешь? – ревниво спросил Ромка.

– Что, что... Еду с вами, тебя что не предупредили?

Ромка нахмурился.

– Па-ап? – крикнул он в комнату, начиная раздражаться.

Евгений Борисович вышел в коридор, бережно пряча записку жены в карман.

– А, Тошка, – заулыбался во весь рот историк, – уже собрался. Молодчина. Мы тоже с Ромиком, как солдаты!

– Я что-то не понял, пап, – недовольно пробурчал Ромка

и, нервно взглянув на тугой (почти такой же, как у него самого) рюкзак белобрысого мальчишки, того самого Антона или просто Тошки, лучшего друга Ромки. Но сегодня Ромке ни с кем не хотелось делить свои приключения, даже с лучшим другом.

– Что ты не понял? – спросил Евгений Борисович, надевая на сына куртку и приглаживая его темно-каштановые кучеряшки, чтобы надеть на него шапку, ведь на улице с утра было ветрено. – Тошка с нами едет.

– Где папа, Тош? – весело подмигнул профессор блондинистому курносому мальчишке, с россыпью веснушек по всему лицу.

Почувствовав неладное, Тошка вылупил на Ромку и без того немаленькие ореховые глаза, это была его фишка – во всех ситуациях выпучивать глаза, как будто он хотел сбить всех с толку.

– Он в машине, дядь Жень.

– Как? – чуть не вскрикнул Ромка. – Дядя Саша с нами едет?! Пап, ну он же филолог, что он вообще понимает в истории?

– Так, давай не умничай, а быстро собирайся и в машину. Парочка мудрых и опытных взрослых не помешает юным любителям приключений, – снова улыбнулся историк, шурясь на свет на свет коридорной лампы.

Ромке ничего не оставалось, как только кивнуть, покорно застегнуть куртку и нацепить на плечи рюкзак, уже не так

сильно радовавший его, как раньше. Когда сборы были закончены, они все вместе спустились вниз. В лифте Тошка толкнул непонятно на что обиженного Ромку в бок.

– Ты чего сопишь? – спросил он с недоумением, вглядываясь в напряженное лицо друга.

– Ничего, – буркнул Ромка. – Тебя там только не хватает, – ворчал он, отвернувшись от Тошки, – это вообще не для маленьких.

– Чего? Чего? – защищался Тошка, – я только на месяц младше, а ты меня малышом обзываешь?!

Ромка промолчал и, уткнувшись носом в угол лифта, стал отковыривать от стены прилипшую жвачку. Тошка тоже обиделся и отвернулся от Ромки и принялся царапать ногтем стену лифта.

Тошка был абсолютной Ромкиной противоположностью: ниже ростом, несколько полноват, но добрее и преданнее для Ромки не было друга на всем свете.

Они познакомились еще раньше, когда семилетний первоклашка Ромка без дела шатался по двору, как всегда в поисках новых приключений. Его ровесник Тошка в это время пытался освоить новую технику – велосипед, тайно позаимствованный у отца. Велосипед был намного больше Тошки и маленький водитель даже не доставал до педалей, но был чрезвычайно горд, что почти освоил эту сложную машину. Катаясь во дворе (если это можно было так назвать), Тошка неосторожно вывернул руль и влетел в кусты, где Ромка

как раз в это время проводил свои первые исследования. Велосипедист и велосипед, сбив Ромку с ног, упали прямо на него.

– Ты вообще долго собираешься на мне валяться? – обратился Ромка к паре тарачившихся на него ореховых глаз, над которыми топорщилась челка светло-русых волос. Ромка вдруг услышал густой частый стук и понял, что это Тошкино сердце стучало от страха.

Тошка пробурчал что-то вроде извинений, перебрался с Ромки на землю и, зашмыгав курносый носом с мелкими веснушками, стал тереть ушибленное колено, раздумывая, заплакать ему или нет. Выбравшись из-под тяжелого велосипеда и вытянув порванный шнурок ботика из масляной механической цепи, Ромка придвинулся к виновнику аварии, намереваясь предложить свою помощь – с тех пор мальчишки стали не разлей вода.

– Ну что, успеем? – спросил Евгений Борисович высокого молодого, по-европейски одетого мужчину в черной стеганой куртке, в элегантных очках и с видом Джеймса Бонда, он открывал багажник серебристого минивэна.

Дядя Саша был лучшим другом отца Ромки, они дружили с детства, вместе учились в одном университете, только на разных факультетах, а теперь преподавали. Дядя Саша, он же Александр Сергеевич, был лингвистом и десять лет назад вернулся в Россию из Бельгии с женой француженкой, мамой Тошки, у которой были русские корни (так что, Тошка

был наполовину французом, над чем Ромка часто потешался, называя друга "французиком", а прочитав биографию А. С. Пушкина, стал дразнить еще и Дантесом), и сразу стал преподавать в родном университете.

– По пробкам ехать полтора часа, я глянул, – сжал губы дядя Саша. Он тоже, как и Ромкин отец, обожал путешествовать. В детстве они с другом Женькой обошли все лесополосы и парки в городе, объездили на велосипеде все, что можно объездить, и даже сбегали с уроков, чтобы впрыгнуть в подмосковную электричку, доехать до конца, сойти на самой дальней станции и побродить в поле. Настоящим удовольствием тогда для маленьких Женьки и Сашки было лазить по развалинам забытых и брошенных церквушек или особняков.

– Садитесь в машину, парни. Кстати, мальчиши (дядя Саша их с Тошкой часто так называл), там для вас сю-юрприз.

Ромка и Тошка, побросав рюкзаки в багажник, забрались на заднее сиденье. Сюрпризом оказались стаканчик с холодным фруктовым мороженым – для Тошки, и любимым эскимо Ромки. Ромка тут же забыл свою нелепую обиду и разочарование, и вот они уже ехали в машине с лучшим другом, замечательным дядей Бондом (про себя он так звал дядю Сашу, хотя, наверное, самому дяде Саше понравилось бы сравнение с бельгийцем Пуаро. Ромка прочитал все детективы Агаты Кристи и точно знал, что Пуаро не француз, а бельгиец), как говорил папа "травившим" анекдоты как никто дру-

гой, и папой навстречу приключениям. Что может быть лучше для мальчишки девяти лет отроду?!

Подъехав к аэропорту, дядя Саша припарковал минивэн, и путешественники, взяв свои вещи, направились искать стойку регистрации.

– Пристегните ремни и выключите сотовые телефоны, планшеты и плееры, – вежливо попросила, улыбаясь не по погоде, стюардесса. Когда она стала показывать, как пользоваться кислородной маской и всем остальным, что служит для безопасности, Ромка вспомнил о маме и повернулся к Тошке, чтобы поведать другу, о том, как мама недавно вернулась из Милана, а там было закрыто кафе... но, к Ромкиному разочарованию, Антон уже давно сопел – его как всегда укачало в машине, а теперь еще и в самолете. Ромка вздохнул, грустно взглянул в окно иллюминатора, там, под крылом самолета, медленно проплывали вереницы облаков, с проступающим сквозь них небом.

– Спит? – тихо спросил дядя Саша, нависнув над Ромкой. – Укачало, наверное. Ну пусть дрыхнет, иди к нам, и Ромка перебрался на передний ряд, где устроились папа и дядя Саша. Ученые, достав маленькую коробочку с походными магнитными шахматами, разыгрывали партию.

– Пап, а где твои студенты? – спросил Ромка.

– Они уже на месте, лагерь разбивают, улетели днем раньше с кураторами. Так было решено заранее, – объяснил отец, передвинув пешку на две клетки, и с довольным видом по-

гладил сына по голове. – Как ты себя чувствуешь, все-таки первый твой полет? – спросил он, глядя на сына.

– Серьезно? – удивился дядя Саша, – первый полет? Я помню, первый раз полетел в восемнадцать лет. Ох и уши закладывало. Тебе шах, историк, – усмехнулся он.

– Ну, знаешь, лингвист, дорогой, – передвинул своего ферзя в правый угол историк, – шах – это еще не мат. А вот это уже мат, – удовлетворенно потер ладони историк.

– Ну я бы не сказал, дорогой коллега, – парировал дядя Саша и сделал рокировку.

Евгений Борисович задумался.

– Что? Напряженный момент? – филолог потер руки и подмигнул Ромке.

– Ну не знаю... может, ничья?.. Саш, скоро приземлимся. – сдался историк.

– Вот все вы историки такие, чуть что, так истерика и ничья. Ладно, ладно! – согласился дядя Саша и пожал руку Евгению Борисовичу.

Когда они приземлились в Нижнем Новгороде, Ромка растолкал друга.

– Хватит дрыхнуть!

Антон зевнул и потер веки.

– Мы уже приземлились?

– Ага, малыш, – прищурился Ромка, – давай вставай, соня.

– Ну меня же укачало, – пытался оправдаться Тошка, –

тебя что, не укачивает?

– Никогда! – гордо заявил Ромка.

Дядя Саша и Евгений Борисович уже выбирались к трапу.

– Кстати, как твоя диссертация? – спросил дядя Саша.

– Потихоньку продвигается, – кивнул Евгений Борисович, оглядываясь на копошившихся детей.

– А я хочу съездить к профессору Александрову, по поводу своей.

– По славянским богам?

– Да тема Макошь не раскрыта, надо бы побольше информации...

– Кто такой Макошь? – протиснувшись к взрослым, спросил Ромка, услышав только обрывок разговора. Антон плелся позади всей очереди, зевая и покачиваясь.

– Не такой, а такая, юноша, – остановил Ромку дядя Саша, чтобы пропустить всех и дожждаться Антона. – Макошь в древнеславянской культуре – богиня судьбы. По ведическим преданиям, она плетет нити судьбы, из которых рождается человеческая жизнь, – объяснил филолог, придерживав за локоть папу Ромки у трапа.

– Пап, когда мы уже приедем, – заныл Тошка протяжно и противно, утыкаясь в спину отца, – я ку-у-ушать хочу!

– Вот, – ласково ворчал дядя Саша, – вот из кого вряд ли получится маленький капитан или Никита Кожемяка.

– А это кто еще? Что за Кожемяка такая? – бурчал Тошка и теперь кряхтя пытался завязать болтавшийся шнурок.

– Никита Кожемяка, – филолог присел, чтобы помочь сыну, придвинулся к стене, чтобы дать проход остальным пассажирам, – был русским богатырем и совершил немало подвигов, как пишут о нем в русских былинах.

Наконец, шнурок был побежден и хорошо завязан, Тошка как мог бегом спустился с трапа и оказался рядом со Святозаровыми. Они тщетно пытались вызвать такси, чтобы добраться до гостиницы, располагавшейся в селе Владимирское – неподалеку от озера Светлояр, где уже почти сутки жила экспедиционная группа вместе со студентами Евгения Борисовича. Такси прибыло только через полчаса. Путешественники погрузили скарб в багажник и молча ехали всю дорогу с угрюмым водителем, только изредка дядя Саша с заднего сиденья переговаривался о чем-то очень серьезном с Ромкиным папой, о чем-то таком, что Ромка пока не понимал.

Тошка снова заснул, положив голову на колени отца. Ромка хотел было растолкать парня, но передумал и, прижавшись лбом к стеклу, стал смотреть в окно. Через несколько минут Ромку тоже сморило. Сон, что ему приснился в машине, был весьма странным. Ромка увидел огромный дуб, казавшийся даже не деревом, а скорее стеной или дверью, потому что когда он прислонил к коре ухо, то слышал чьи-то голоса и пение.

– Приехали! На месте! – буркнул водитель.

Вздрагнув, Ромка проснулся, открыл глаза и увидел из

окна такси большой деревянный дом – местную гостиницу, окруженную ухоженным фруктовым садом. В саду росли яблони и сливы, с которых уже давно облетели все листья. Под деревьями стояли корзины, доверху наполненные осенними яблоками, их собирали две взрослые женщины и мальчишка лет четырнадцати. Рядом с ними, то ли помогая, то ли мешая, прыгал, заливаясь звонким лаем, рыжий щенок.

Гостиница, где поселилась экспедиционная группа, оказалась добротным тесовым двухэтажным срубом, с большими светлыми окнами и разукрашенными наличниками, какие раньше строили в больших деревнях и отдавали под клубы. Когда-то там по вечерам, после изнурительной работы, собирались девушки и парни, танцевали, знакомились, общались.

Маленькие и взрослые путешественники, вырвавшись из столицы, будто оказались в другом мире и перенеслись на несколько лет назад. Здесь все было необычно, но при этом хорошо знакомо. Внутри оказалось все довольно просторно и, что особенно порадовало московских жителей, уютно. На первом этаже располагались комнаты хозяев, регистрационная стойка, где записывали всех постояльцев, на втором этаже – номера постояльцев с окнами, выходившими на реку. Гостеприимные хозяева – милая пожилая пара, похожие друг на друга как родственники или неразлучные попугайчики (так их прозвал папа Тошки) оба низенькие, добродушные и не по возрасту румяные и жизнерадостные, были ис-

кренне рады столичным гостям и хлопотали для них до самой ночи.

– Правда – чем-то похожи на старосветских помещиков? – легонько толкнув в бок Евгения Борисовича, выдал дядя Саша.

Ромкин папа улыбнулся и, взглянув на суетливую хозяйку, отвел глаза и кивнул другу.

– Кто такие эти помещики? – снова любопытничал Ромка.

– На литературе узнаешь, – вставил Евгений Борисович. – Мы Гоголя в каком классе проходили? – спросил он папу Ромки.

– Слушай, даже не припомню, но, думаю, в седьмом, – ответил профессор, задумчиво поправляя очки.

Мальчишка, тот самый, собиравший яблоки в саду, уже вернулся в дом и помог путешественникам отнести вещи в номер, где уже находилась одна из женщин, работавших в саду, она развешивала в ванной новые полотенца.

– Наверное, дочь хозяев, – предположил Евгений Борисович.

– А паренек – их сын и внук наших помещиков, – подхватил дядя Саша.

Они уже устраивались в номере.

– Давайте-ка, парни, – прикрикнул он на мальчишек, – разбирайте вещи, мойте руки и пойдём на ужин.

Ромка с Тошкой наперегонки побежали в свою комнату, побросали рюкзаки на кровати и занялись первыми раскоп-

ками – выкапывали из толстых рюкзаков сменную одежду, чтобы переодеться к ужину. Вскоре они уже стояли в новых майках и своих любимых джинсах, ожидая отцов. А те, на огорчение мальчишек, не очень-то спешили приводить себя в порядок, решив, что можно разыграть еще одну шахматную партию.

– Ну па-а-ап, – канючил Тошка, он всегда канючил если был голоден или когда ему было холодно и неудобно. Сейчас Тошка был очень голодным.

– Па-ап, когда мы уже пойдем? Вы же сами просили, чтобы мы быстро переоделись.

– Сейчас, сейчас, Антон... Я выиграю и пойдем, – почесывая затылок проговорил филолог.

– Еще неизвестно, кто выиграет, – съехидничал Евгений Борисович.

Ромка и Тошка переглянулись и вздохнули. Как они и ожидали, партия закончилась вничью.

Ужин, куда путешественники все-таки успели, состоял сплошь из чисто русских блюд: каша с мясом, наваристые щи, вкуснейший рыбный студень, крохотные пирожки – бульки, самолично придуманные добродушной хозяйкой, и изумительный творожный пирог. Увидев такое изобилие, даже капризный и разборчивый в еде Тошка, любитель гамбургеров и сэндвичей, подпрыгнул от радости и принялся уплетать яства за обе щеки, а уж покушать Тошка любил больше всего на свете. Дядя Саша тревожно наблюдал за сыном,

предусмотрительно отставив пироги подальше.

– Парень на диете, – шепнул он Ромке и Евгению Борисовичу. – Есть можно все, но не много. Знаете, все-таки наша еда проще, но вкуснее, и уж точно полезнее, – вдруг ни с того ни с сего принялся рассуждать дядя Саша. Потом он добавил, что вкуснее русских щей и пирожков ничего не ел, хотя ему довелось попробовать разные блюда в разных странах, в самых разных уголках планеты, где он бывал в командировках. Нет, он сказал вот так: "ничего не едал".

Дядя Саша любил говорить вычурно, иногда настолько, будто речь ему писали драматурги – так говорил Ромкин папа. Ромка как верный сын взглянул на профессора, чтобы оказать ему поддержку, но тот уплетал русские щи, доверху наполняя большую деревянную ложку, и мало вслушивался в слова.

– По крайней мере, – это не жирные и вредные гамбургеры и картошка, Саш. Так, ребятки, – изрек Евгений Борисович, покончив со щами и вытерев губы салфеткой, – завтра поедем на Светлояр, посмотрим, как ведутся раскопки.

Дядя Саша одобритительно кивнул и откусил бок вкусного румяного пирожка, предусмотрительно припрятанного от Тошки.

– А сейчас доедайте, – повторил Ромкин отец, – благодарите хозяев за вкусный ужин и гостеприимство, и марш к себе в комнату.

Мальчишки дожевали ужин и, взяв с собой по пирожку,

принялись наперебой благодарить милых старичков. Добрая хозяйка, вытерев о фартук мягкие, белые и полные словно тесто руки, нежно опустила их на мальчишеские головы и погладила обоих, а хозяин, он до этого занимался тем, что деловито раздувал самовар, теперь поставил его стол и подмигнул светлым глазом Ромке и Тошке. Те, уплетая на ходу пирожки, побежали в номер.

– Смотри, Ром, – крикнул Тошка.

Ромка знал, если Тошку что-то заинтересовало, он обязательно остановится рядом с этим как вкопанный. Ромка оглянулся. Тошка стоял под лестницей, возле окна на первом этаже, которое выходило во дворик, где бродили куры, а в просторных удобных клетках копошились кролики.

– Ром! Ромка!

– Ну и что? Что ты там увидел такого? – спросил Ромка, прижавшись лбом к стеклу. – Обычный двор с курами. Вот если бы там бродили динозавры или жар-птицы из сказки, то я понимаю.

– Вечно ты выдумываешь, – заключил Тошка и отошел от окна.

Ромка считал, что у Тошки совершенно нет фантазии, он много раз пытался заставить друга посмотреть на мир своими глазами, но Тошку это только раздражало. Ромка вздохнул и поднялся по лестнице.

– Ро-ом, подожди, – нудил Тошка. – Если бы там были динозавры, между прочим, гостиницы не было бы или хозяева

гостиницы были бы такими огромными, что не поместились бы здесь...

Ромка улыбнулся, рациональность Тошки была нужна ему, она помогала оставаться на земле, не давала улететь навсегда в космос на самодельной ракете.

– Конечно, Тош, – улыбнулся Ромка, похлопав друга по плечу, – ты прав, не поместились бы.

В комнате Ромка и Тошка рухнули прямо в кровати, едва только успели раздеться.

– А здорово сегодня было, – широко зевая, протянул Антон. – Надеюсь, завтра будет еще интереснее, – добавил он, засыпая.

О том, как то, что должно быть только сном, вдруг стало Явью

Как и ожидалось, утром, где-то в начале восьмого, мальчишек разбудили дядя Саша и Евгений Борисович, бросив в них полотенцами и прогнав обоих в ванную. Сами же взрослые бодрым шагом прошли на кухню, откуда уже доносились заманчивые запахи домашних пирожков. Ромка и Тошка, весело разбрызгивая воду, умывались и напевали детскую песенку, которую недавно сочинили вместе.

Конечно, состояла она пока только из одного куплета. Возможно, у песенки впоследствии возникло бы продолжение, но как-то мальчикам, даже потом, когда они немного повзрослели, не хватало на нее времени.

– Ля, ля, ля, траля, ля, ля! Мы с тобой друзья.
Ромка – это я, а Тошка – это я.
Мы верные, нескверные, отличные друзья.
Всех на свете победим, даже льва мы укротим.
И кита переплывем – очень весело живем.
Ля, ля, ля! Потому что, потому что Ромка – это я,
Потому что, потому что Тошка – это я.

Допев куплет, мальчишки весело толкаясь стали одевать-

ся. Вскоре они спустились в кухню, где Евгений Борисович и дядя Саша уже доедали вкусные блины с малиновым, брусничным и клубничным вареньем и, конечно, сметаной. Кроме блинов стол был уставлен блюдами с пирожками с разнообразной начинкой: с капустой, мясом, картошкой, яйцами и яблоками из собственного сада. Знакомый большой пузатый самовар раздувался от важности как истинный хозяин стола и пыхтел, выдувая пар через крышку. Рядом с ним соседствовали два глиняных кувшина-близнеца с разрисованными под хохлому боками – в одном был квас, в другом сливовый кисель, какого никогда даже искушенный в еде знаток русской культуры дядя Саша раньше не пробовал. Для Ромки с Тошкой специально сварили геркулесовую кашу с яблочным пюре. В этот раз хозяев на кухне не было, они решили поработать в саду, и можно было наблюдать за ними из окна, сквозь которое просачивались осенние, тягучие, как медовая патока, солнечные лучи.

Справившись со своей порцией в один присест, Ромка потянулся за золотистым, поджаристым масляным блином и стал рассматривать его на просвет. Блин был таким тонким и аккуратным, а солнечные лучи, проникая сквозь поджаристую корочку, еще больше наполняли ее янтарным цветом.

– Тош, смотри, я ем солнышко, – веселился Ромка, – хочешь такое?

Ромка поглядывал на друга, тот все еще возил ложкой по тарелке, давясь геркулесовой кашей. Ой, жирное масло кап-

нуло на скатерть, и Ромка поспешил положить блин на тарелку, мельком взглянул на отца, но тот не заметил шалости и с наслаждением размазывал по блину сметану.

– Ешь, ешь, – приговаривал дядя Саша, вытирая рот салфеткой и наблюдая за сыном. – С кашами у него всегда не лады, хотя они прописаны в его диете.

– Пап, я больше не могу, – заныл Тошка.

– Съешь еще три полных ложки – и возьмешь пирожок, – уговаривал филолог.

Тошка с надеждой посмотрел на отца и принялся наполнять ложку, поглядывая на пирожки и поставив рядом со своей тарелкой сливовый кисель, и он, к большому удивлению остальных, Тошке почему-то понравился.

После завтрака возле гостиницы их дожидалась машина, присланная за ними руководителем экспедиционной группы. Новый уже более разговорчивый водитель помог уложить вещи в багажник и повез наших путешественников на озеро Светлояр на место раскопок.

– Вы тот самый Святозаров? – поинтересовался водитель, когда они готовились отправляться. – Я Андрей – брат Максима Павловича.

– Ах, да... Андрей Павлович Шевцов, как же, слышал о Вас, – вдруг почему-то заулыбался Евгений Борисович. – Конечно, конечно... Саш, знакомься! Андрей Павлович, молодой ученый, нижегородец – это он помог получить разрешение на раскопки и нашел на берегу Светлояра обломок жен-

ского головного убора, возможно, принадлежавшего жрице какой-то из богинь, но мы еще не доказали это – помнишь, я показывал тебе фотографии.

– А-а, вы тот самый музейный хранитель, – радостно протянул дядя Саша. – Как же, как же, конечно, помню. Я даже хотел посвятить описанию Вашей находки целую лекцию, в доказательство того, что богиня Макошь существовала...

Дальше Ромка не слушал, он представлял себе загадочную богиню, плетущую нити судьбы и в нужный момент отрезавшую их, тем самым обрывая чью-то жизнь. "Интересно, а какие они, эти нити", – думал Ромка, – может, золотые или серебряные, зеленые или красные, а может... всех цветов радуги сразу! Или даже может быть такого цвета... о котором люди никогда и не знали... Малиновоградный, или свежес-розовый, или, например, змееровый". Ромка хмыкнул, ему нравились слова, которые только что ни с того ни с сего взбрели ему в голову. Малиновоградный – это какой? Он решил спросить у Тошки:

– Тош, как думаешь, малиновоградный – это какой цвет может быть, на что похож, а?..

Тошка задумался и засопел (он всегда сопел, когда задумывался, зато потом выдавал совершенно невероятные ответы или же, наоборот, абсолютно простые и неинтересные).

– Нет такого цвета, отстань со своими выдумками – пробубнил Антон, и к Ромкиному разочарованию, совершенно неинтересно. – Что это тебе в голову пришло?

– Не знаю, – задумался Ромка, – но мне кажется, что, если бы такой цвет был, он бы одновременно напоминал и малину, и виноград.

– То есть красно-зеленый, что ли? – уточнил Антон.

– Возможно, – кивнул Ромка. – А вот змееровый напоминал бы чешую змеи... – продолжал он.

– Какой? Какой? – вскрикнул Тошка. – Не-е-ет, такого точно нет.

– А у Вас отличное воображение, молодой человек, – вмешался Андрей Павлович, услышав разговор.

– Да ну, – махнул рукой Тошка, – выдумывает он все. Нет таких цветов на свете – Тошке АП (так он называл нижегородского профессора) почему-то не понравился.

– Может и нет, – вставил Андрей Павлович, – а может и есть где-то.

– Где это?! – спросили хором друзья.

– Ну где-то в других мирах... где нет времени, а сплошное безвременье, нет ни цифр, ни высоты, ни ширины, ни длины, ничего, что нам привычно – мечтательно улыбаясь, проговорил Андрей Павлович.

– Ага, а еще нет товарно-денежных отношений, студентов, диссертаций и профессоров, – смеясь подхватили Евгений Борисович с Дядей Сашей.

Андрей Павлович широко заулыбался. Он выглядел совсем не как ученый, каких Ромка привык видеть, когда профессора всех мастей собирались у них дома. Он был похож

на простого парня, ничем не примечательного, и одевался неброско, но имел свое мнение обо всем, как и положено нормальному ученому.

– Приехали, команда! – отчеканил дядя Саша. – Вот и наш лагерь.

Машина остановилась возле туристических палаток, где на протянутых между деревьями веревках сушились чьи-то вещи. Ромка вышел из машины и огляделся. Он никогда не видел экспедиционного лагеря, а теперь увидев, даже несколько разочаровался. Место было похоже на то, которое оборудуют туристы в походах – тут тебе и палатки, и котелки над костром, и даже футбольный мяч, брошенный в траве. Единственное, что отличало экспедиционный лагерь от туристического – огороженный проволокой берег с табличками "ведутся раскопки", где уже вовсю трудились студенты Евгения Борисовича под руководством какого-то Максима Павловича Шевцова, оказавшегося тем самым старшим братом Андрея Павловича.

Когда взрослые встретились и пожали друг другу руки, пошла беседа, в которой Ромка ровным счетом ничего не понял. Грузный и важный как медный самовар Максим Павлович потрепав затылки мальчишек, предложил им взять кирзовые сапоги на выдаче и принять участие в раскопках. Этот Максим Павлович был вдвое старше своего брата Андрея и, скорее всего, занимал какую-нибудь руководящую должность, потому что Ромке показалось, будто вид он имеет се-

рѣзный и основательный, а по словам отца – тот, кто имел серьезный и основательный вид, скорее всего, находился на высокой и ответственной должности.

– Ну что, мальцы? Давайте-ка в наши ряды, в Москве-то, небось, такого не увидите. Ну-ка, идите-ка вон к дядьке Васе, пусть выдаст вам кирзачи, лопатки, совочки там и перчатки, чтобы ручки на замарать, не поцарапать. А ну – бегом!

Ромка взглянул на отца, редко кто распоряжался им самим так дерзко, но Евгений Борисович, только развел руками.

– Давайте, зато потом всем в школе будете рассказывать, как в экспедиции нашли сокровища.

При слове "сокровища" глаза обоих мальчишек вспыхнули, и они наперегонки, под веселый хохот взрослых, побежали за своей первой экипировкой, представляя, что это могли быть не простые, а пиратские сапоги и перчатки. Когда мальчишки получили все, что положено, у простывшего хранителя музея дяди Васи, то бодро спросили:

– Дядь Вась, а где копать можно?

– А где хошь, – прохрипел коренастый и лохматый завхоз и чихнул в седой ус. – Вона озеро же круглое, если отсюда глядеть. Да хоть откуда гляди, все одно – круглое. Ребятки тот берег заняли, а вы подальше отойдите и копайте себе до обеду, можь че и выкопаете.

Ромка кивнул.

– Я туда пойду – налево, – кивнул он Антону, – а ты направо давай.

Тошка угукнул, и мальчишки разошлись в разные стороны. Ромке показалось, что вдалеке он увидел дерево и решительно направился к нему, он всегда любил что-то искать под деревьями и, кстати, чаще всего там что-нибудь да и находил.

Прошлым летом нашел старые часы на даче под ивой, а еще раньше – чью-то заколку с цветочком и брошку. Брошка и заколка явно принадлежали соседской девчонке-растеряше, поэтому Ромка оставил их на соседском крыльце, предусмотрительно написав записку владелице: "Мы нашли. Пожалуйста, не теряй нас больше!"

Ромке казалось, что так он отучит девочку забывать вещи. Хотя часы, которые он нашел, были неизвестно чьи, и, прежде чем прикарманить их, Ромка предусмотрительно ходил от дома к дому, осторожно расспрашивая соседей – не терял ли кто из них наручные часы с кожаным коричневым ремешком. Но владелец так и не нашелся, и Ромка решил взять часы себе. Пришлось пристроить находку в коробку с другими потеряшками, поскольку кожаный браслет от часов глупо болтался на мальчишеской руке.

Итак, Ромка решил искать сокровища под деревом. Но от озера поднялся густой туман, такой, что ни дерева, ни Тошку, ни лагерь Ромка разглядеть больше не смог.

– И чего ты тут бродишь, – услышал он дерзкий голос.

– Ты кто? А ну покажись! – с опаской потребовал Ромка и принял защитную позу, как на картинке с самбистами.

В тумане проступил приближающийся силуэт. Ромка плюхнулся на траву от страха и впился пальцами в мокрую землю.

– Ну ладно. Не бойсь, – брякнул мальчишка, – то же мне, богатырь.

Бояться и правдо было нечего. Это был мальчик, такой же как Ромка, может, чуть постарше – лет одиннадцати или двенадцати, скорее всего из местных, потому что манера говорить у него была почти такая же, как у Максима Павловича и немного как у завхоза дядя Васи.

– Ты кто такой, давай отвечай! – потребовал Ромка на правах сына руководителя экспедиции.

– Скоро узнаешь, – ухмыльнулся незнакомец. – Ты что – с этими? – он кивнул в сторону лагеря.

– Да, – с гордым видом произнес Ромка. – Я сын профессора Святозарова.

– Видали мы профессоров, – ухмыльнулся дерзкий мальчишка. – Каждое лето тут топчутся. Что только ищут – непо-

нятно.

– Ну как же непонятно, – возразил Ромка – сокровища ищут, тут же Китеж-град затонул.

– Не все ты знаешь, – шепнул мальчишка и так сверкнул глазами, как будто знал больше.

– Ну как же? А что ты знаешь? – любопытничал Ромка.

– Знаю я поболее вашего, – сказанул незнакомый мальчишка.

– погоди, погоди, я сейчас приведу папу с дядей Сашей, ты им все и расскажешь. Только стой здесь, у этого дерева, – приказал Ромка.

– Где ты дерево видишь? – хмыкнул парень.

– Как же, вон же оно, за твоей спиной, ствол...

– Ну-ка, ну-ка, – незнакомец сделал вид, что удивился и скрылся в тумане.

– Эй! – позвал Ромка, но никто не откликнулся. "Странный какой-то", – подумал Ромка и направился к дереву.

Тут туман стал рассеиваться, и Ромка увидел необычайной красоты дуб, с глянцевым листьями, омытыми утренней росой, блестящей на темно-зеленом жемчугом. "Папа вроде говорил, что дубы не растут у озера", – подумал Ромка и обошел дуб вокруг.

– Какие растут, а какие нет, – услышал он другой голос и такой объемный и сильный и глуховатый, как из трубы или рупора.

Ромка удивился. О том, что дуб здесь не может расти, он

вроде бы только подумал, а не произнес вслух... или произнес... Парень сидел на дубовом суку, и теперь, когда туман рассеялся, Ромка мог его разглядеть. Ему показалось, что в мальчишке было что-то необычное, хотя выглядел он как самый обыкновенный школьник, вот только несколько старомодный в своей рубахе навыпуск и без ботинок. Но у парня были какие-то совершенно необыкновенные глаза, совсем без зрачков и такого бледно-голубого, а точнее сапфирового цвета (Ромка видел однажды передачу, в которой диктор рассказывал о драгоценных и полудрагоценных камнях – среди них были и сапфиры). Вот и поразительные глаза незнакомца светились, как те сапфиры – холодным магическим светом, как светится голубой лед. Хотя, возможно, это был оптический обман – из-за тумана. Но Ромке все же стало не по себе.

– Да кто же ты такой?! – крикнул от страха Ромка.

– Да так, просто прохожий, – выдал парень, сидя на дереве и мотая босой ногой. – Так ты действительно видишь этот дуб? – переспросил он.

– Ну да – вижу, – удивился тот. – А что тут такого-то – дуб как дуб...

– Дуб как дуб, – повторил незнакомец за Ромкой с ухмылкой. – Так-то оно так, да не все его видят, – ответил парнишка, и спрыгнув на траву превратился... в огромную сову с человеческим лицом – лицом того мальчишки с сапфировыми глазами.

От неожиданности Ромка попробовал помотать головой,

как это иногда делали герои в ужастиках про приведения, но видение не пропало. Значит, это было не видение. Ромка ущипнул себя за руку – это тоже помогает, если думаешь что спишь и видишь нечто странное. Не помогло. Сова продолжала смотреть на него устрашающе.

Ромка стал оглядываться. Ему хотелось понять, не видит ли это еще кто-то, чтобы позвать на помощь. Но лагерь был далеко, а Тошка давно ушел на другую сторону.

– Ты... же, вы... кто такой? – зашептал Ромка, решив попробовать договориться. – Не убивайте меня, пожалуйста, я же просто мальчик. И никому не скажу, что видел вас... оборотня вас.

– Я Сирин. Птица Яви – помощник богов, я проведу тебя в Явь.

Ромка почти потерял дар речи. Только сейчас он понял, что настал час приключений, и у него впервые захватило дух от радости и от страха одновременно.

Из мира настоящего

– в мир Явный

Но, несмотря на это, Ромка все же спросил:

– Я что? Сплю?

Птица Сирина поскребла землю массивными когтями, которые были больше, чем у самого большого в мире орла, встряхнула могучими крыльями с серебристыми перьями:

– Вообще, нет, но, ежели хочешь так думать...

– Нет, это что, на самом деле? – не унимался Ромка. – Я это вижу на самом, самом деле?..

– Что видишь? – спросила птица.

– Ну, как ты, вы превратились, и все такое.

– А, это! Ну да, на самом деле. И можешь говорить мне "ты".

– Ага, а это твой обычный облик? – продолжал удивляться Ромка. – То есть ты в какое-то время мальчик, а в какое-то... вот такое существо.

Сирин встряхнул крыльями.

– Не какое-то, а из мира Яви.

– А что это за мир такой и где он?

– Ежели пойдешь со мной, – произнес Сирин, – то все увидишь.

– А это далеко? – спросил Ромка.

– Нет, только перейдем край – и все, мы на месте.

– Ты... вы... сказали край... А где этот край? – спросил Ромка.

– Да вона, – поднял голову Сирина, – в кроне дерева. Два взмаха и мы на месте. Ну что? Полетели?

– Странно, ты разговариваешь. – сказал Ромка, закусив губу.

– Я очень и очень древнее существо, – ответила птица. – Но это не повод не лететь со мной. Так летишь?

– Но я же не умею летать... – вздохнул Ромка.

– Не беда, садись на меня – вмиг домчу.

– Хорошо, – и Ромка, хватаясь перья, вскарабкался на спину чудесной птицы. При этом он сомневался, стоит ли ему вообще лететь в какой-то "явный" мир, но жажда приключений настойчиво звала его вперед.

Когда он уселся, Сирина взмахнул мощными крыльями и взлетел на вершину дуба. От испуга Ромка закрыл глаза, а когда открыл... его взору явилось что-то небывалое, фантастическое. Величественные деревья пурпурной кроной уходящие ввысь, скрывали в своих ветвях таких же, как Сирина, полуптиц. Холмы, покрытые пестрыми бахатными коврами, с различными оттенками зеленого: от блестяще-изумрудного, до темно-зеленого, по которым растекались сверкающие белые ручьи и тянулась ровной лентой широкая белая река, точно в нее кто-то вылил много парного молока с розовыми пенками. Река начиналась где-то в разноцветных сверкающих горах и, искрясь, убегала куда-то далеко через густой,

качающийся синеватый лес, мимо которого пробежала еще одна речка – красноватого цвета, точно горячая лава, жаль Ромка не успел ее разглядеть. Все, ну абсолютно все тут было настолько ярким, что на первый взгляд казалось почти игрушечным или просто нарисованным. Даже воздух был странным: таким густым и тягучим, как фруктовое желе или мягкие сливочные тянучки – так и хотелось оторвать кусочек, положить в рот, а потом с наслаждением прожевать и проглотить эту сказочную сладость. Возможно, обитатели этого сказочного места так и поступали, имея такой съедобный воздух они, должно быть, вовсе обходились без еды. Ромка глубоко вдохнул воздушную сахарную тягучесть полной грудью, голова мгновенно закружилась, он почувствовал, как начинает падать и крепче вцепился в жесткие и одновременно мягкие перья своего проводника.

Немного покружив, Сирин опустился на упругую траву, расступившуюся под ним будто живая. Ромка увидел, что она действительно живая, особенно цветы, которые радостно и удивленно смотрели на нежданного гостя.

Непривычно, но у цветов тоже были лица, нежные улыбочивые личики, совсем, совсем детские.

– Ой, здравствуйте, – сказал Ромка и поклонился от растерянности. Цветы склонили перед ним свои глянцевые фиолетовые и лазурные головки и закивали.

– Явь приветствует тебя, – промолвил Сирин.

Трава потянула к Ромке свои длинные стебли. Ромка лег

на нее, как в дачный гамак, и стал раскачиваться, слушая нежные песни цветов.

Взглянул вверх, мальчик увидел, как по бело-розовым облакам, словно по полю важно расхаживают огненные жеребцы.

Может кому-то и могло показаться, что это оптический обман или какая-то иллюзия, ведь, если не отрываясь смотреть на облака, бог знает, что иногда почудится. Но здесь все было вполне реально. И Ромке ничего не казалось.

Вдруг облака вдалеке расступились и сквозь них прошла чья-то большая рука (Ромка даже смог разглядеть пальцы), она свесила вниз что-то такое на веревке. Ромка присмотрелся получше, это оказалось нечто вроде здорового ведра. Ведро коснулось молочной реки, полностью опустилось в нее и гигантская рука снова затянула его вверх.

– Что это? – спросил Ромка. – Что это было, там? Я видел чью-то руку, она возникла прямо из облаков. Так странно.

– Что же странного? – развел крыльями Сирин. – Это Хорс поит своих коней.

– Хорс?..

– Ну да, видишь огненных жеребцов? Это его – Хорса.

Ромка молчаливо кивнул, сделав вид, что понял. Тут Сирин сел рядом с Ромкой. "Вот странное дело, таинственное существо не отбрасывает тени", – думал Ромка. Да вообще все здесь не имело собственной тени, видимо потому что здесь совсем не было солнца, его заменяли огненные жереб-

цы. Почему-то Ромка совсем не удивился: он уже точно знал, что этот мир по-настоящему сказочный.

– Да, здесь не так все устроено, как у вас у людей, – Сирина, должно быть, прочитал его мысли.

Теперь Ромка мог рассмотреть Сирина лучше и даже в деталях.

Его необыкновенные перья, цвета червленого серебра, со стальными прожилками, очень напоминали рыцарские доспехи или даже богатырские латы, которые Ромка видел на картинках. Массивную голову защищала густая кроваво-красная шерстка, обрамлявшая ровный лоб и доходившая до изогнутых ивовых иссиня-черных бровей, которые делали бледное лицо Сирина невероятным. При других обстоятельствах любому захотелось бы иметь такого домашнего питомца, но это исключительно при других обстоятельствах, а сейчас эти мощные когтистые лапы, могли раздавить взрослого медведя и превращали Сирина в страшного крылатого монстра.

Ромке снова стало не по себе, и он отвернулся. Однако Сирина этого не заметил и не прочитал мысли мальчика, а может быть прочитал, но промолчал. Мирно качаясь на траве, он чистил перья когтями, продолжая говорить.

– Тебе выпала неслыханная удача, мальчик, она дается не каждому – ты попал в обитель богов Ирий. Он делится на две части: первая – та, где мы сейчас находимся, зовется Беловодьем, оно простирается до самых Пекельных пещер – цар-

ства Нави и захватывает два острова Буян и Березань. Другая, та, что наверху, у нас называется Ясуныю. Первой владеет Сварог – царь Яви, Ясунь же токмо пастбище, там пасутся табуны жеребцов Хорса и лебеди Даждьбога. Ну а весь наш мир называется Явью.

Сирин махнул крылом.

– Вон, глянь, жеребцы по небу ходят, лебедей ты потом увидишь, в свое время. Ежели приходит время лебедей, наступает темень – это по-людски "ночь", ежели вступит время огненных жеребцов – это ясень – "день" по-людски, опять же... У нас нет времени, как у людей. Нет часов, минут и секунд. Их заменяют Яви табуны огнежеребцов и стада Даждьбожьих лебедей...

– Фуф! Но почему я? – перебил птицу Ромка.

– Понимаешь, – пояснил Сирин, – не каждому дано увидеть дерево Рода.

– Какое дерево? – удивленно переспросил Ромка.

– Дерево Рода, то самое, где мы с тобой встретились, – спокойно и невозмутимо повторил Сирин. – Род – старший бог Яви, он прародитель всего в нашем мире, и его древо, через которое мы сегодня прошли, чтобы попасть сюда, является вратами из мира людей в наш мир – Явный.

– Но почему я его увидел? – снова спросил Ромка.

– Видно, так хотела Макошь... – немного подумав, произнес Сирин.

– Бр-р-р, – замотал головой Ромка, – из того, что ты ска-

зал, я понял только про эту – про Макошь. Это же богиня, – вспомнил Ромка, – славянская... дядя Саша говорил...

– Да, богиня, – подтвердил Сирин, – и сестра Рода, она-то и отмеряет жизнь и плетет нити судьбы. Твою нить она уже сплела, и мы скоро отправимся за ней.

– Зачем? – переспросил с тревогой Ромка.

– Затем, что нам надобно знать, кто ты есть.

– Кому нам надобно?

– Нам это – всем сущим в Яви и Нави, – все так же невозможно отвечал ему Сирин. – Понимаешь, близится... – начал было, но потом добавил: – Нет. Не могу сейчас рассказать тебе всего. Одно скажу. За все время, которое я охраняю дерево Рода, ты первый его увидел. Значит, предание сбылось.

– Какое предание? – спросил Ромка.

– Предание о богатыре Яви, о том, что придет богатырь из мира людей и спасет Явь от Навян.

– А что – эти навяне угрожают вам? – Ромкино любопытство разгоралось с каждым словом.

– Не просто угрожают, они собираются идти на нас войной. И все бы ничего, Сварог со своим войском одержал бы победу над навянами, как и в прошлый раз, вот только в предании Рода сказано, что только человек сможет восстановить мир. И я уже столько ясеней торчу среди людей по воле Макоши, дожидаясь, что кто-то увидит это дерево, а увидел его ты. Сейчас я отведу тебя во дворец Сварога – показать богам,

а дальше поглядим. Решив, что этой фантастической птице бесполезно объяснять, что он никакой не волшебник, а обычный мальчик, в школе его ценят и он почти отличник, но этого явно мало, чтобы победить какую-то Навь, Ромка просто кивнул. С другой стороны, когда еще попадешь в волшебный мир, где , наверняка, приключения на каждом шагу. И они отправились в путь.

Я в в.

Море-океан

Бережань

Гузан

Мельница
Стрибога

Дворец
Сварога

Река
Сиродина

Мост
Каминь

Стро
Студенец

Беловодье

Море-океан

Оказывается, есть силы, которые почему-то иногда решают за тебя

Сколько они шли, Ромка не помнил, да и дороги настоящей там не было, Ромка только видел, что куда бы он не ступал, перед ним расступалась трава. А когда он попытался догнать Сирина, то не побежал, а точно полетел, даже не касаясь ногами живой травы.

– Смотри, Сирин, Сирин! Я лечу! Лечу прямо, как ты! – кричал Ромка, подскакивая над землей. Но Сирин, делая вид, что не слышит удивленных возгласов мальчишки, не оглядываясь на него, стремился куда-то вперед. Ромке пришлось привыкать к новым ощущениям самому.

По дороге Ромка старался замечать каждую мелочь. Этот сказочный мир сильно взволновал мальчишескую душу, раньше он читал сказки или ему их читали, когда он был еще совсем мал и не знал ни одной буквы, а теперь вот сам оказался в сказке. Все здесь было просто гигантским – как в любимых Ромкиных фильмах про динозавров, когда искатели приключений попадают в прореху времени и оказываются в кайнозойской или мезозойской эре. Первые минуты Ромка был уверен, что сейчас он столкнется с кем-то из представителей той древнейшей и опасной фауны Юрского периода – диплодоком или стегозавром, а потом, как по сценарию,

возникнет могучий хищник аллозавр, или появившийся намного позднее – тираннозавр Рекс.

Но кроме огненных коней, бродящих по молочным облакам, других животных здесь пока не было видно. Сирина летел впереди, поджимая сильные лапы, чтобы не коснуться стеблей травы, гревшую под жаром, источаемым огненными жеребцами. Ромка бежал за ним, ощущая себя абсолютно счастливым. Он тоже ни разу не коснулся травы, она раступилась, обнажив какой-то желтый песок. По нему Ромка и бежал, а иногда даже подпрыгивал или летел над землей и травой, не ощущая под собой никакого притяжения.

Вдруг перед ними как из-под земли выросло существо, густо обросшее шерстью и тоже с лицом и блестящими маленькими, юркими глазками. Невероятно подвижный и гуттаперчевый зверек мельком взглянул на мальчишку, подпрыгнул и, переворачиваясь в воздухе, стал перепрыгивать с травинки на травинку, с цветка на цветок, едва касаясь их. Цветы, правда, немного повозмущались, но, позвеневав, быстро смолкли. Существо снова вернулось к путникам и запрыгало вокруг них, задорно размахивая длинными руками. Ромка замороженно смотрел на это чудо.

– Давай наперегонки, – вдруг услышал он писклявый голосок. И существо, не дожидаясь ответа, попрыгало вперед, обгоняя Сирина. Ромка пытался догнать прыгуна, но увидел только мелькающую вдалеке фигуру.

– Даже не пытайся тягаться, – остановил его Сирина. – Све-

тибора никто не может обогнать.

– Его зовут Светибор? – спросил Ромка.

– Да, он божок леса, юркий, никто с ним не может справиться, ибо догнать его просто невозможно. И ты не тягайся с ним. Не тягайся с тем, кого не знаешь, – махнул крылом Сирин. – Вон он уже где, – показал он вдаль. – Уже у дворца Ирия – видишь светлые башенки? И в три прыжка он может вернуться обратно.

Ромка пытался разглядеть дворцовые башни, но из-за скопившихся в Ясуни облаков, смог увидеть только размытые пятна. Тут над ними пролетел, могучий, но теплый ветер и чуть не сбил Ромку с ног, а потом полетел дальше, подминая, будто причесывая, деревья и траву.

– Это Стрибог полетел во дворец, – пояснил Сирин, – तो-ропится, даже не заметил. А нет, не во дворец, на поле, – добавил Сирин, когда увидел, что Стрибог свернул в другую сторону.

– А давай посмотрим, что он там на своем поле делает, – попросил Ромка.

– Да знамо что, за пшеницей своей следит чтобы зерно собрать. Потом зерно в муку перемелят на Мельнице для Сва-рога.

– Интересно, кто такой Сварог, – про себя подумал Ромка, – и вдруг почувствовал, что мысли в его голове скачут, обгоняя друг друга. Вопросов было так много и все они толпились и роились в его голове, мешая думать, поэтому Ром-

ка решил задавать их поочередно и в слух произнес только.

– Надо же, я думал, у вас тут все волшебное и вы вообще ничего не делаете и ничего не едите.

– Ну как же, едим иногда. Раньше без этого могли обходиться, но, теперь силы иссякают. Сами печем и в поле работаем. Да ты потом все увидишь, – улыбался Сирин.

Через некоторое время башни дворца стали различимы. А скоро показался и он сам во всем своем великолепии.

Вблизи дворец был весь вылеплен из непонятного материала – то ли из янтаря, то ли из золота (Ромка так и не разобрался) и сверкал словно солнце. Его пузатые башенки с вытянутыми вверх кончиками, словно маленькие зефиринки в кондитерском магазине, сияли разноцветными лучами. Алые, золотистые, синеватые и зеленые, они также напоминали восковые свечи на большом золотистом торте.

Когда путники прошли сквозь дворцовые ворота, Ромку в один миг ослепил яркий свет. Мальчик сильно зажмурил глаза, но это не помогло – из глаз фонтаном брызнули слезы. Ромка даже испугался, что ослепнет.

Постепенно глаза привыкли, мальчик приоткрыл их и увидел, странные деревья с пылающими листьями. Листья горели, но не сгорали до тла, а стволы были такими белыми, будто раскаленными. А живые деревья размахивали огненными кронами, словно трясли волосами. При этом они постоянно о чем-то переговаривались друг с другом.

Ромка попытался прикоснуться к дереву, но испугался,

что обожжется.

– Не бойся, – успокоил Сирин. – Это огнедубы с острова Березань, собственноручно посаженные Сварогом. Они не обожгут, хотя и пылают костром, сам проверь.

Ромка попытался пересилить страх и погладил белую кору огнедуба. От прикосновения дерево замерло, а потом загнуло.

– Действительно, совсем не чувствую жара, – убедился он.

– Я же тебе говорил. Тебе стоит запомнить несколько правил Яви: то, что пылает – не сожжет, то, что блестит – не слепит. Опасности здесь совсем другие, не такие, как в твоём мире, и я тебя о них предупрежу в свое время.

Ну да ладно, пойдем уже, нас ждут, – поторопил Сирин, и они отправились дальше, мимо высоких янтарных деревьев, высотой как дворцовые башни. Деревья все были усыпаны драгоценными камнями – зелеными и красными и сейчас занимались их чисткой, поэтому не заметили путников.

"Это, наверное, рубины и изумруды, – думал Ромка, – надо же, какие огромные".

Во дворце мальчишка снова разрыдался от яркого света. Опять вернулось ощущение, будто стоишь рядом с солнцем.

Подумав, что это снова огнедубы, он решил подождать, пока глаза привыкнут. Ромка опустил голову вниз и увидел, что по дворцовому полу разливалось что-то желтое и блестящее, словно жидкое золото или медовая патока. Она как будто стекала с крыльев диковинных птиц с оранжево-крас-

ным оперением, важно бродивших по золотому полу, Мальчик узнал их, птицы были похожи на тех, что он видел на цветной иллюстрации к сказке "Конек-Горбунок", те самые жар-птицы, только тоже с лицами.

Абсолютно не обращая ни на кого никакого внимания, сказочные птицы невозмутимо и по-хозяйски расхаживали по дворцу. В этот момент Ромка почувствовал над собой прохладный ветерок. Это Сирин летел прямо над ним, прикрывая его крыльями. Через несколько минут глаза перестали болеть, Ромка огляделся и едва не обмер – за огромным и идеально круглым янтарным столом, единственная ножка которого утопала в жидком золоте, сидели великаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.